

ТЕРАПИЯ?

КИНОШОКОВАЯ

Сюжетно-тематический фон «Киношока» был пестр и вместе с тем странно целостен. Сквозь него проступало то ли предчувствие перемен, то ли надежда. А вообще, «Киношок» продолжал шокировать: гран-при получили добрая, милая, традиционная экранная опекунша «Барышня-крестьянка». И это на фестивале, изначально декларативно опекавшем и выводящем в свет авангардистов, модернистов и прочих новаторов, манифестально зачеркивавших прошлое и отражавших резкие перемены в общественном сознании!

Премии традиционалистам выявили чуткость тех, кто в нынешнем году формировал программу — они уловили новую расстановку сил и эволюцию авторских настроений. Интересно было вести «рейтинг наполненности» просмотрового зала для кинематографистов. Он отражал степень заинтересованности профессионалов. Зал пустел, когда авторы (порой и достаточно талантливо) рассказывали о невзрозах и страхах, уходе в небывшие и любовании уходом. В этом направлении, как и прежде, лидировала петербургская школа, все еще охваченная ощущением глубокого нервного расстройства, ставшего основной составляющей психологической атмосферы их лент.

Олег Ковалов — известный киновед, один из лучших историков кино. Его решительный бросок в режиссуру был вызван желанием осмыслить духовную ауру конца века. Поначалу он работал с хроникой, а в Анапе показал свою первую игровую ленту «Концерт для крысы» (специальный приз жюри). В аннотации картина определена как «поэтическая фантазия на тему 1939 года по прозе Д.Хармса, трагикомическая панорама предвоенной жизни, пронизанная лиризмом и черным юмором». Мне же показалось, что слова о комическом — явное преувеличение. Полтора часа некто, заявленный как Поэт (Федор Коновалов) блуждал в потемках собственных кошмаров, рожденных временем. Суть почти каждого эпизода состояла в погружении его и без того темных мыслей в еще более темные глубины. Запоминается лишь сцена, в которой персонаж, весьма откровенно напоминающий Семена Михайловича Буденного (Петр Зайченко), яростно рубит кожаный муляж — видимо, символ ненавистного врага революции. Темперамент Зайченко так неукротим, что с ним живая жизнь действительно врывается в рационально мертвенные структуры картины. Коваловский же Поэт только ползал по полу, бежал от любви, не хотел и достойной смерти (подобавшей Поэту). Кинематографисты бурно уходили с просмотра, устав от мрака и никуда не восходящей мысли.

Один из сценаристов этого «концерта» — Владимир Маслов, драматург, режиссер и актер (кстати, жизнерадостный и общительный человек) — стал соавтором сценария и петербургской «Деревянной комнаты», в которой также исполнил главную роль (а еще выступил сорежиссером Евгения Юфита). В этом фильме конструкция вообще стала самодовлеющей. На каком-то захламленном островке живут маргиналы, бомжи, люди, уходящие от мира. Герой Владимира Маслова запечатлевает на кинолентку местную фауну, отдавая предпочтение зрелищным играм животных. Так он хочет понять самого себя, в чем ему помогает безымянная подруга (Татьяна Верховская) — молчаливая и работающая. Вот, играя в прятки, бегают по острову молодые немые мужчины с присущенными штанами (оказывается, по мысли авторов, в этой неряшливости таится дисгармония во взаимоотношениях с миром). Вот, споткнувшись, падает и умирает подруга (так авторы видят

бренность нашего земного пребывания). Жаль, но я недобро утомлена эгоистическими прихотями авторов. Видимо, никак не хотят они расстаться с присвоенным им лет восемь назад титулом «новаторов». Беспочвенно такое самоуничижение безусловно талантливых людей.

Литовец Шарунас Бартас пока-

зал картину «Коридор» — о взорванной социальной устойчивости. Режиссеру дорог его смятенный, клокочущий и безмолвный мир, пораженный всеобщей депрессией. У людей теней «Коридора» нет ни воли, ни, кажется, каких-либо желаний, ни цельного, осмысленного существования — все они только ищут свой угол. И — не могут найти. Фильм становится скорбной метафорой, обнажающей страшные застарелые язвы общества. Но, несмотря на то, что Бартас бесконечно разнообразен и искусен в отражении метаний, и к этому (за неимением на экране ничего другого) постепенно привыкаешь. А потом холодно, почти равнодушно воспринимаешь тоску режиссера.

Жизнь совсем не походит на вялую размытость и индифферентность, ставшие знаком качества у авангарда. Оба эти начала странно слились в картине Валерия Рубинчика «Пейзаж с тремя купальщицами» о любви немолодого оператора телевидения (Регимантас Адомайтис) и молодой женщины Лены (Ольга Бартенева). Все подчеркнуто оригинально: Лена живет в гостинице на дебаркадере, рядом — какое-то «колдовское озеро», ужасер снимает фильм «Школа гейш». Авторы будто не хотят прикасаться к грубой реальности, а характеры героев принципиально отсутствуют. Единственное, что удалось Рубинчику, — так это эпизоды кинопроб, которые герой проводит с молодыми девушками. У режиссера все время допытывались, где ему удалось снять эти документальные фрагменты — настолько прекрасно, точно, комедийно сыграли найденные им дебютантки.

Дмитрий Томашпольский (Украина) не был оригинален в выборе сюжета о покойнике, который неожиданно вернулся с того света, обнаружил истинное к себе отношение близких и поспешно отправился обратно в мир иной. Но важна не фабула, а ее интерпретация. Увы! Режиссер сразу сбивает планку философского размышления, на которое претендует: художник Алена Демьяненко в решении загробного царства удивительно точно скопировала антураж провинциального пансионата среднего пошиба, а Томашпольский примерно так же сориентировал актеров, играющих жителей этого потустороннего мира. В результате история героя напоминает анекдот о муже, уехавшем в командировку.

Несколько серьезнее обращается с анекдотической ситуацией Пазтер Симм (Эстония). У него тоже присутствует момент возвращения и желания «врастать» себя в новую «старую»

жизнь. Да еще наивность детской мечты о захватывающем аттракционе «американские горки», который был желанен и недоступен маленькому ребенку сосланным в Сибирь эстонцев. «Американские горки» он в конце концов построит, а счастье в лелеемом с детства обличье так и не придет. Но Симм, к сожалению, почти тонет в обилии тем, мотивов и сюжетных линий. Каждый фрагмент завершается, трудно соединяясь с предыдущим, а это постоянно сбивает зрителей, тщетно надеющихся уловить суть происходящего.

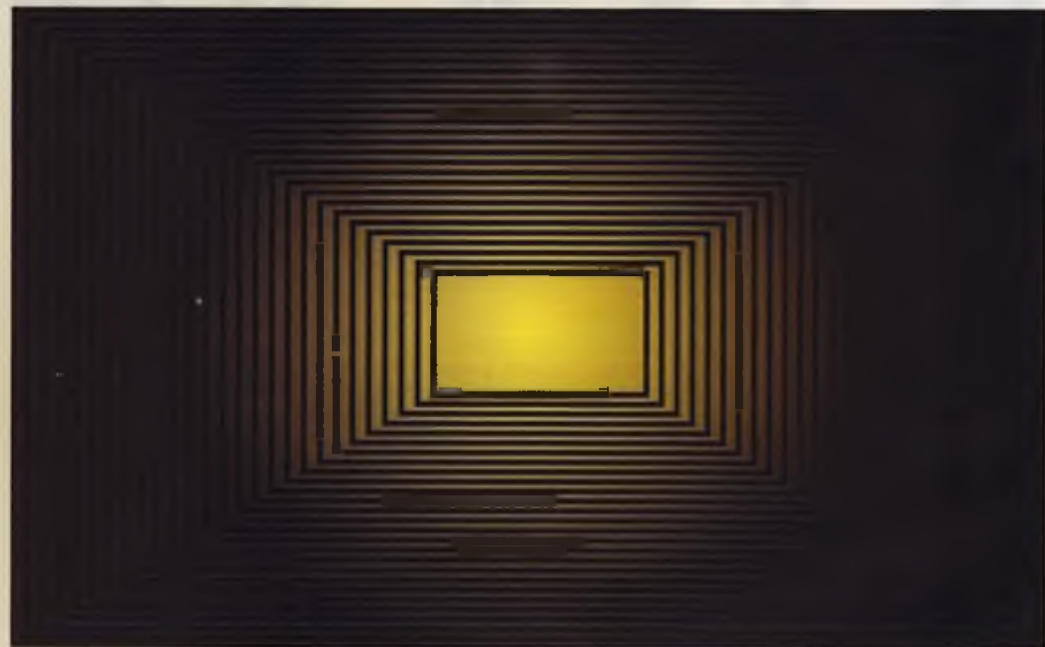
Мотив детской мечты об «американских горках» — своеобразная цитата из «Гражданина Кейна». Цитаты пестрят и у Ковалова, и у Томашпольского — иногда закамуфлировано, иногда откровенно. Нынешние режиссеры весьма образо-

На другом полюсе новых поисков — «Барышня-крестьянка», удостоенная Гран-при «Киношока». Картина мила, красива, в ней угадана (пусть и не во всем) наивно-ироничная и доверительно-подначивающая пушкинская интонация, его взгляд якобы сентиментального созерцателя, который на самом деле чуть скептически улыбается, глядя на страсти деревенских барышень и романтических барчуков. Идиллия оказалась дорога сегодняшним зрителям еще и потому, что в картине звучит мотив примирения, к которому приходят не только молодые счастливицы, но и отцы их (западники и славянофилы), — все радостно устремляется к ладу в доме и в жизни. Наверное, картина могла быть стройнее, если бы сценарист Житинский не стал несколько активнее, чем нужно, «дописывать» Пушкина в се-

жиссер же Александр Александров заявил без годности, что, будучи профессиональным драматургом, не оставил ни единого слова от врученного ему текста. Он населил картину новыми персонажами, добавил в сюжет не только молодую пару (ах, как развилась на экране Иван Охлобыстин!), но и бородастого бомжа в собственном исполнении, ребенка в маске и других лиц, не имеющих никакого отношения к основному паре. Лента разваливается где-то уже на двадцатой минуте. Все в ней врозь, вкось, и только Воинов, играющий старого капитана, внушает симпатию вставными номерами. Экранизировав пьесу Горького «Дачники», Сергей Урусляк снял картину недобрую, саркастическую по отношению к интеллигенции. Его герои — всего лишь жалкое, егоящее собрание,

«ужасно пустые люди», которых вот-вот сметут мужики-погромщики. Жюри критиков наградило режиссера, полагая, что ему удалось талантливо открыть иронию писателя, грустно взвизгивающего на ничемному дачную братию. А оператор Сергей Юридский получил приз Большого жюри.

Фильм казах Дарежана Омирбаева «Кардиограмма» вообще остался незамеченным. Жаль. Именно в этой картине, как, может, ни в одной другой, звучит подлинное сострадание и уважение к человеку, который не хочет быть сломленным, пусть ему только одиннадцать или двенадцать лет. Мир фильма насыщен, вбирает

ванны. Но жаль, что «многие знания» не совпадают с эмоциональным началом, приглушенным или вовсе отсутствующим.

Фильм Владимира Меньшова «Ширли-Мырли» настойчиво определяется автором как трагифарс. На самом деле это польща растянуть более, чем на два часа совсем не смешной анекдот о трех братьях-близнецах, рожденных русской матерью от русского, еврея и цыгана, о чем сами «близнята» до поры не знают (даже ненавидят друг друга). Анекдота хватает этак минут на двадцать, а потом все упорно топчется на месте — зато с криками, визгами, швырянием торта в лицо и пр., и пр. Не помог фильму и собранный Меньшовым актерский букет — Инна Чурикова, Вера Аленцова, Армен Джигарханян и Ролан Быков. Конечно, Валерий Гаркалин, весело и живо сыгравший трех братьев, справедливо награжден премией за лучшую мужскую роль, но, как ни обидно, в последней трети картины и ему не достает сил в преодолении пустот драматургии и режиссуры. Хотя зрители Анапы смотрели «Ширли-Мырли» охотно — сказались желание увидеть любимых актеров и тоска по комедии.

редине истории, а режиссер во время поставил последнюю точку в соответствии с финальным восклицанием Александра Сергеевича. Но очарование молодой актрисы Елены Кориковой (приз «Киношока» за лучшую женскую роль), милый юмор Леонида Куравлева, теплота кадры Николая Немольева — скрашивают фильм, возвращая к вере в житейские чудеса и в то, что сердца любящих непременно отыщут друг друга.

В этом году на «Киношоке» впервые работало жюри дистрибьюторов. Призер прокатчиков — Петр Тодоровский («Какая чудная игра»). Их надежды вполне могут оправдаться, и эта картина, возможно, тоже добьется зрительского успеха, благодаря своей обманчивой задумчивости, которой всегда были отмечены псевдосоциальные пасторали режиссера. Тем более, что за эту работу он получил приз Большого жюри.

Как пастораль, вероятно, был задуман и «Приют комедиантов» о любви двух старых людей. А еще фильм планировался как бенефис восьмидесятилетней Лидии Смирновой — именно для нее писала сценарий Александра Камышова. Ре-

себя многое из происходящего за стенами детского санатория, где разыгрывается драма ребенка, привезенного из глухой степи и сопркоснувшегося с цинизмом и жестокостью цивилизации. Режиссер бережен к национальному началу в ритмах, в красках, в мироощущении. Рамки нынешнего «Киношока» заметно расширились за счет фильмов стран СНГ и Балтии. Приехали мэтры советского кино из Туркмении, Узбекистана, Эстонии, Таджикистана, Литвы, Белоруссии. Собравшись вместе, тосковали о былом едином кинопространстве. Худо кинематографистам России, но много хуже их коллегам и друзьям в странах, где кино едва ли не умирает. Выход видится в объединении сил, в едином кинорынке. С будущего года «Киношок» становится еждународным фестивалем стран СНГ и Балтии. Этот факт очень конкретен и в то же время символичен. Возможно, он положит начало и другим благим переменам, в которых мы все нуждаемся.

Эльга ЛЫНДИНА